

Ван Вэньцзя. Культурный сценарий «Супружеская ссора» в зеркале русских паремий / Ван Вэньцзя // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 22—34.

Van Ventszya. (2017). Cultural Scenario “Martial Quarrel” in Russian Proverbs. *Nauchnyy dialog*, 1: 22-34. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'271+316.2

Культурный сценарий «Супружеская ссора» в зеркале русских паремий

© Ван Вэньцзя (2017), аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), xzh1310@hotmail.com.

Представлен опыт описания культурного сценария супружеской ссоры как одной из неотъемлемых составляющих семейной жизни. В качестве материала используются пословицы и поговорки досоветского периода. Автор опирается на лингвокультурологическую интерпретацию ссоры как открытого семейного противостояния, получающего вербализацию в паремийном фонде национальной русской культуры — источнике знаний о представлениях народа, в частности — о кодексе семейного поведения. Проанализировано около 300 паремиологических единиц. Выявляются запечатленные в анализируемых языковых единицах фазы ссоры как коммуникативного события. Фиксируются названные в пословицах причины семейного разлада. Перечислены упомянутые в паремиях способы вербального и невербального гендерного поведения. Выводятся представления и ценностные установки супругов в конфликтном взаимодействии. Комментируются истоки гендерного противостояния. Автор утверждает, что мужской «шовинизм» проявляется в стереотипном представлении о женщине, наделяемой такими чертами, как глупость, болтливость, упрямство и др. Утверждается мысль о том, что в национальной семейной аксиосфере *лад* и *разлад* как ценность и антиценность занимают важное место, интегрируют и дезинтегрируют членов семейного микроколлектива.

Ключевые слова: лингвокультурология; культурный сценарий; супружеская ссора; коммуникативный конфликт; статусно-ролевая характеристика; ценностная установка; семейная аксиосфера; паремия; гендерная асимметрия.

1. Введение

Гуманитарное знание рассматривает семью как особую универсалию русской культуры, источник важнейших для народа ценностей как наиболее фундаментальных характеристик культуры. Онтологическая первич-

ность и аксиологическое первенство семьи ставят ее выше любых других социальных образований. Именно в семье отрабатываются механизмы коммуникативного взаимодействия, закладывается и формируется «отношение человека к жизни и людям, происходит усвоение им основных нравственных норм» [Крысин, 1989, с. 79].

Функции семьи, ролевые права и обязанности ее членов, этические основы семейной коммуникации формировались веками, выкристаллизовывались в повседневной жизни, национальных обрядах и ритуалах, приобретая упорядоченность и устойчивость. Соблюдение семейных норм и отклонение от них, реализация и нарушение ролевых ожиданий, коммуникативный лад и разлад нашли воплощение в разнообразных произведениях народного творчества, служащих источником культурно значимой интерпретации семейной жизни, такой, какая она есть. Так, русские пословицы, запечатлевшие коллективную мудрость народа, его ценностную картину мира, по существу, могут выступать как кодекс нравственных правил, оценок бытия. В них «в сентентийной форме отражены все категории и установки жизненной философии народа — носителя языка» [Телия, 1996, с. 241].

Не удивительно, что значительная часть пословиц посвящена семейной жизни, в том числе и семейным аномалиям: «антинорма представляется такой же равноценной составляющей картины мира, как и норма, являясь неустраняемым элементом бинарной оппозиции» [Кидямкина, 2014, с. 29]. Вследствие этого в аксиологической картине мира той или иной лингвокультуры может быть выделено и то, что не принимается, раздражает или угрожает, что более всего осуждается обществом и культурой.

Цель нашей статьи — описание ценностных и антиценностных смыслов, выявляемых на основе культурного сценария «Супружеская ссора». В качестве материала используются пословицы и поговорки досоветского периода, денотация которых есть «не денотация к миру, а повод для отношения к системе ценностей» [Телия, 1996, с. 74]. Всего проанализировано около 300 пословиц, тематически объединенных в группу «Супружеская ссора» [Даль, 1957, с. 260—264, с. 367—378; Зимин, 2012, с. 44—60; 77—78, 256—264, 298—339; Мокиенко и др., 2010, с. 90—91, 334—344, 507, 527, 839, 858, 867, 904, 978]. Они раскрывают те или иные аспекты конфликтного взаимодействия супругов, которое, по нашему замыслу, может быть представлено в виде культурного сценария.

Термин «культурный сценарий» (cultural script) обычно используется для описания характерных для некоторой данной культуры правил поведения, представлений о том, что хорошо и что плохо, «культурных предпи-

саний», «ценностных установок культуры» [Вежицкая, 2001, с. 12]. Опыт описания культурных сценариев на основе семантического анализа некоторых ключевых слов русского самосознания представлен в [Вежицкая, 2002; Зализняк и др., 2005]. Культурные сценарии, реконструируемые на основе живого речевого взаимодействия [Шалина, 2009], позволяют рассматривать коммуникативные события в динамической разверстке, описывать психологические и статусно-ролевые характеристики их участников, извлекать из их поведения, в том числе и речевого, определенную культурную информацию. Паремии характеризуются структурной «замкнутостью», «монологичностью» [Пермяков, 1975, с. 267], но они позволяют в снятом виде выявить фазы события, проследить его развитие и результат, обнажить функционально-ролевые характеристики субъектов, объективировать представления, ценностные установки традиционной культуры.

Представления обычно связаны с конкретными реалиями и событиями, запечатленными памятью. Им свойственны субъективность, наглядность, «фактуальность» и «ретроспективность» [Рябцева, 2002, с. 96], поэтому они могут рассматриваться как опытное знание. Образы-представления вербализуются в виде сентенций, нормативных и морально-оценочных суждений, презумпций, кодексов культуры и т. п. В паремиях они прямо или косвенно указывают на нормативно одобряемое и неодобряемое поведение. На основе представлений формируются и выводятся установки культуры, которые связываются с национальным и групповым самосознанием, оценками, интересами, осведомленностью личности [Девкин, 1981, с. 10—11], проецируются на ценностные ориентации носителя лингвокультуры, детерминируют их поведение. Установки не абсолютизируются, могут совпадать или расходиться, что в любом случае важно, поскольку позволяет «выявить ценностные константы, обеспечивающие устойчивость личности и преемственность типов поведения в лингвокультуре» [Шалина и др., 2016, с. 131].

2. Культурный сценарий и методика его описания

Под культурным сценарием мы понимаем «вписанный в типичный хронотоп, динамически заданный, повторяющийся разворот определенного события (или цепочки событий), участниками которого каждый раз могут становиться разные лица (коммуниканты)» [Шалина, 2009, с. 75]. Он позволяет выявить культурные представления, установки, запреты, предписания и др. Поскольку событие имеет пространственно-временную локализацию, из паремий извлекаются локальные и темпоральные сигналы ссоры, например: *дом, амбар, к обеду, всегда, кстати* в значении ‘в под-

ходящий момент, вовремя' и др. Ср.: (о жене) *Днем плющит, а ночью трещит*. Языковые маркеры, номинирующие субъектов ссоры, а также характеризующие их действия и состояния, объединяются в малые парадигмы, позволяющие осмыслить функционально-ролевые характеристики субъектов, особенности их коммуникативного поведения, например: *муж, жена, баба, хозяин, чужие, дети; упорный, сварливый, пьян; (не) почитать, гулять, пить, мыслить (лихое), обманывать, верховодить, бить* и др. Ср.: *Не всяку правду муж жене сказывает, а и сказывает, так обманывает*.

Мы рассматриваем ссору как разновидность открытого конфликтного взаимодействия субъектов, «протекающее во времени коммуникативное событие, имеющее свое развитие» [Третьякова, 2003, с. 145]. В докоммуникативной фазе ссоры актуализируются мотивы, потребности, субъектов, точки напряжения, вызываемые ощущаемыми противоречиями. Коммуникативная фаза ссоры обнажает разногласия супругов, выбор тактико-стратегической линии поведения, момент принятия решения.

Ценностные и антиценностные смыслы выводятся нами на базе паремий, содержащих в своем составе общеоценочную и частнооценочную лексику в прямом и переносном значении, например: *Сварливая жена в доме пожар*. Оценочный атрибутив *сварливый* (то есть 'склонный к ссорам, ссорам') несет в себе заряд конфликтогенности: сварливость интегрирует антиценностные смыслы вспыльчивости, придиричivosti, вьедливости. В сознании носителя лингвокультуры формируется представление о женской сварливости как причине коммуникативного разлада в семье.

Паремии могут рассматриваться как оценочные и при отсутствии оценочных слов, если описывается ситуация, имеющая соответствующий смысл в национальной картине мира. Так, идеи должностования, императивности, необходимости, возможности, желательности, целесообразности того или иного положения дел можно интерпретировать в категориях этической, эстетической, интеллектуальной, утилитарной, эмоциональной оценки субъекта или ситуации, сигнализирующих об определенных ценностях / антиценностях. Например, паремия *Бей жену обухом, припада да понохай: дышит да морочит, еще хочет*, окрашенная волонтиративной модальностью, получает отрицательный аксиологический заряд: рукоприкладство в целом рассматривается как антиценность.

Таким образом, в представлениях и установках, выводимых из паремий, ценностные и антиценностные смыслы эксплицируются в разной степени. Имплицитные смыслы могут быть выведены в опоре на широкий контекст, включая и то, что локализуется и происходит в ментальной сфере.

3. Христианский идеал супружеских отношений в паремиях

Традиционная русская культура изначально ориентирована на христианскую картину гендерной онтологии. «Каждая религия предписывает свои, причем очень устойчивые поведенческие стереотипы» [Скляревская, 2012, с. 36]. В христианстве утверждается идея ценности человека (мужчины и женщины); единосушности мужа и жены (*и будут двое одна плоть* (Быт. 3:21)), что находит отражение, например, в таких паремиях: *Муж да жена — одна душа; Где муж, там и жена; Жена да муж — змея да уж; Жить вместе и умереть вместе* и под. По замыслу Творца, равные в славе, мужчина и женщина принадлежали друг другу, по собственной воле жертвенно подчиняясь один другому в любви, *повинуясь друг другу в страхе Божиим* (Еф. 5:21). Результатом грехопадения стало установление гендерной иерархии: *И к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3:16); *Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава семьи <...> Мужья, любите своих жен* (Еф. 5:22).

Архетипическая модель заповеданного Священным Писанием, а значит, правильного устройства супружеских отношений служит критерием оценки качества семейной жизни и находит воплощение в следующих пословицах, эксплицирующих представления об идеальном супружестве: *Муж — глава семьи; Мужик в семье что матица в избе; Жена мужа почитай, как крест на главе — муж жену береги, как трубу на бане; Муж — голова, жена — душа; Жена мужу пластырь, муж жене пастырь*. Таким образом, искажение принципа взаимной дополнительности ролей мужчины и женщины приводит к гендерному противостоянию, формированию гендерной иерархии, но *сначала не было так* (Мф. 19:78).

4. Пространственно-временная и субъектная организация сценария

Ссора обычно разворачивается в пространстве своего дома, двора: *Горе тому, кто непорядком живет в дому; Муж задурит, половина двора горит, а жена задурит, и весь сгорит*. Не принято ссориться на людях, выносить семейный сор из избы, посвящать в конфликт сторонних наблюдателей: *Избушку мети, а сор под порог клади; Добрая слава до порога, а худая за порог; Муж с женой ругайся, а третий не мешайся*. Пространственная оппозиция *дом, свое пространство ↔ не дом, чужое пространство* позволяет идентифицировать субъектов как близких, своих, как исполнителей ролей мужа, жены, хозяина и хозяйки дома. Пространственная, предметно-вещная, зооморфная лексика — локативы, номинации домашней утвари, инструментов, кушаний, животных и др. — не только аранжирует ситуацию супружеского противостояния, используя в пря-

мом значении, но и получает переносное словоупотребление: *Муж в бане, а жена в амбаре — уговориться не могут; На злой жене одна только печь не побывает; Смирен топор, да веретено бодливо; Один рычит да лает, другая мурлычет да фыркает; Высоко сокол загоняет серу утицу.*

Ссора локализуется на фоне мирной, счастливой жизни как очаг коммуникативного напряжения: *При счастье бранятся, при беде мирятся.* Этот очаг имеет временные границы («Всему свое время»): *Временем бранись, а в пору мирись; Сколько ни браниться, а быть помириться.* Очевидно, в силу христианского мировоззрения, а также хозяйственной пользы ссора между супругами не получала затяжной характер: это приводило бы к сбою и разладу хозяйственно-экономического механизма, нарушало принцип ролевой сообразности. Ср. примеры из малой глагольной парадигмы, обозначающие физические действия супругов в деле семейного домостроительства: (о муже) *работать, пахать, сеять, молотить пшеницу, тереть пилою, идти на заработки, по дрова;* (о жене) *хлопотать, прясть, ткать, печь паляницы (хлеб), варить щи* и др.

Специфицирует супружескую ссору и темпоральная оппозиция *молодые ↔ старые*: *Молодые бранятся — тешатся; старики бранятся — бешатся.* Данная поговорка косвенно указывает на необходимость «притирки» молодых супругов, которые только привыкают жить вместе под одной крышей: их ссоры напоминают «потешные игры», покрываются любовью и доверием друг к другу. Утратившие чувства старики ссорятся с особой злобой и яростью, на что указывает глагол *беситься* — ‘быть в крайнем раздражении, ярости; неистовствовать’ [ТСОШ, 2011, с. 41].

5. Ценностные и антиценностные смыслы и их отражение в культурном сценарии

Народная философия признает ссору явлением неизбежным: *Любовь без ссоры не бывает; Как ни колотись, а без брани не житье.* Ссора квалифицируется как зло, тупиковая ситуация, получает отрицательную этическую оценку: *Ссора до добра не доводит; В ссорах да во вздорах пути не бывает; Не будет добра, коли меж своими вражда.* Как это ни парадоксально, в ссоре есть и польза, поскольку на «поверхность» семейной жизни «всплывает» то, что является камнем преткновения для супругов. Без ссор семейная жизнь кажется даже пресной: *Не помутясь, и море не уставится; Без шуму и брага не закиснет; Любовь без ссоры что суп без соли.* На фоне ссоры актуализируются ценностные смыслы коммуникативного лада и гармонии: *Всякая ссора красна мировую; Где лад, там и клад; Хорошо браниться, когда мир готов.*

Паремии подтверждают национально специфическую идею гендерной асимметричности: «Фразеологическая система русского языка пронизана мужским мировидением» [Кириллина, 1999, с. 107]. Мужская установка «Все беды от женщины» получает в паремиях категорическую, безапелляционную тональность: *От нашего ребра нам не ждать добра; Жена виновата искони бе; Баба да бес — один в них вес.* «Повиновение в сознании носителя традиционной культуры является одной из базовых ценностей (социальной нормой), кротость есть необходимое условие <...> усвоения норм» [Леонтьева, 2015, с. 31]. Ценностная установка на повиновение, смирение перед мужем, послушание является базовой и для жены.

К типичным причинам, провоцирующим ссору, можно отнести:

— женские притязания на власть, нарушение супружеской иерархии: *Вот худо, как муж дьякон, а жена попадья (владеет им); Жена взбесилась и мужа не спросилась; Худо мужу тому, у которого жена большая в дому; Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет; Он попался на кукан (в руки жены); Исподний жернов перемалывает верхний;*

— нарушение гендерно-ролевых ожиданий: *Муж за хлеб за скатерть, а жена за избу да пляшет; Муж по дрова, а жена со двора; Муж как бы хлеба нажить, а жена как бы мужа избыть; Жена мелет, а муж спит;*

— психологические, интеллектуальные и коммуникативные характеристики женщины (сварливость, упрямство, строптивость, глупость, болтливость): *Женский обычай — не мытьем, так катаньем; Жена упорна — ни мякиш, ни корка; Бабу не переговоришь; Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит; Как бы жить-пожить, мужа сжить: кожу с него снять да под себя подостлать; Муж свое, жена свое; Бабий язык, куда ни завались, достанет; Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей; Женское слово что клей пристаёт; Волос долог, да ум короток; Бабы промыслы что неправые помыслы; Лучшие в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить;*

— супружеская неверность, обман: *Проводила мужа за овин — да и прощай, жидовин; Лукавой бабы и в ступе не истолчешь; Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет; Видимая беда, что у старого жена молода; В чужую жену черт ложку меду кладет; Честный муж только одну жену обманывает;*

— мужское / женское пьянство: *Дома бесится, а в людях с ума сходит; Пошел черных кобелей набело перемывать; Живет на Дону, оставя дома жену; Пьем да посуду бьем, а кому не мило, того в рыло; Баба пьяна — вся чужа;*

— ущемление прав родственников (чаще мужа): *Ження едет родня — отворяй ворота; мужня родня — запирай ворота; Женина родня входит в ворота, мужнина в прикалиток.*

Выявленные черты женского / мужского поведения получают общую или частную отрицательную этическую оценку (*худо, зло, грех, лукавый, неправый* и др.). Обращает на себя внимание и синтаксическая структура ряда паремий, уподобляемая структуре сложного предложения с союзом *а*: «противительная конъюнкция (*а*-отношение) присоединяет предикаты с противоположным аксиологическим знаком» [Арутюнова, 1988, с. 97]. Первая часть такой конструкции имплицитно получает указание на норму, противопоставляемую антинорме: *Муж в поле пахать, а жена руками махать*. Деонтическая модальность способствует формированию стереотипных представлений об образцовом поведении мужа и жены.

Вышеобозначенные аномалии коммуникативного поведения супругов способствуют назреванию конфликта. Выделим ряд устойчивых сочетаний и глаголов речемышли, провоцирующих или сопровождающих ссору: *бранить(ся), пушить, ругать(ся), укорять, спорить, вякать, молоть (вздор), шипеть, изводить, дразнить, переговаривать, расиуметься, ворчать, поедом есть, точить (как ржа), не прикусить языка, зев в зев грызться, в пух разругаться, зуб за зуб браниться, кричать, лаять(ся), кипеть, врать, лукавить* и др. Эту же функцию выполняют атрибутивы: *сварливый, бранчливый, лукавый, злобный*. Прямые и переносные словоупотребления указывают на речевую манеру, интенсивность речевого действия, ментальные ходы, эмоциональную аранжировку, специфику гендерного поведения. Последнее иллюстрируют, например, такие пословицы: *Без плачу у бабы дело не спорится; Баба слезами беде помогает.*

Кульминацией супружеской ссоры обычно является рукоприкладство как способ регламентации поведения одной из сторон. Ср.: *бить, драться, огреть, ударить, хлестнуть, распускать кулаки, дать волю рукам, хватать за бороду, дать нахлобучку, дать сдачи*. Инициатором драки становится мужчина как более сильный, причем народная точка зрения оправдывает его действия, формируя установки: *Бабе спустишь — сам баба будешь, Бабу бей, что молотом, сделаешь золотом; Шубу бей — теплее, жену бей — милее; Кто вина не пьет, пьян не живет, кто жены не бьет — мил не живет; Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее*. Отметим также устойчивость ментального стереотипа «бьет значит любит»: *Кого люблю, того и бью; Любить жену — держать грозу.*

Муж-подкаблучник видится как отклонение от нормы: *Не то смешно — жена мужа бьет; а то смешно, что муж плачет; В стары годы*

бывало — мужья жен бивали, а ныне живет, что жена мужа бьет. Причина аномалии — смещение гендерных стереотипов: маскулинность женщины (Этой бабе только бы штаны надеть (бойка, как мужчина); Коли кочергой зубы выбила, так в солдаты не возьмут) и женоподобность мужчины (Муж у нее колпак; Баба ай-ай, а муж — малахай) не одобряются.

Коммуникативный результат ссоры — примирение. Именно из мира и лада рождается семейное счастье, которое является одним из ключевых для русской языковой картины мира концептов [Зализняк и др., 2005, с. 9]: *Где любовь да совет, там и рай, там и свет, а где ссоры да споры, там только лишь вздоры.* Ссора, однако, может и не разрешить противостояние супругов, очаг коммуникативного напряжения перманентно «пульсирует»: *Муж бить не бьет и прочь нейдет; Пусть бы побился да и утопился (говорит жена), топиться не идет; Вместе тесно, а розно тошно.*

6. Выводы

Проведенный анализ позволяет представить структуру культурного сценария. Его субъектная организация минимальна (муж и жена), ссора представляет собой закрытую коммуникацию, сторонних наблюдателей даже внутри «своего круга» стараются избегать. Сценарий реализуется во внутрисемейном пространстве, в любое время. Сценарий строится на ретроспективном прошлом. Ссора осознается как неотъемлемая составляющая супружеской жизни, неизбежное следствие грехопадения, искажения принципа взаимной гендерно-ролевой дополнителности.

Докоммуникативная фаза выявляет причины ссоры, коммуникативная — показывает возможные сценарные перипетии. Значительная часть пословиц фокусируется на стереотипе «злой жены», провоцирующей ссору своим коммуникативным поведением. Антиценностные смыслы формируются разнообразными тактиками «изведения» мужа: болтливостью, придиричивостью, обманом, узурпацией семейной власти. Ценности покорности, смирения, терпения, негневливости, кротости нейтрализуют семейные противоречия.

Доминирует мужской взгляд на ссору, гендерная асимметрия в семейном домостроительстве строится преимущественно на ущемлении прав женщины. В паремиях объективируется гендерная специфика поведения в ситуации выяснения отношений, о чем свидетельствует ряд представлений и ценностных установок, например: «Муж должен воспитывать и наставлять жену (в том числе и кулаком)»; «Муж-подкаблучник жалок»; «Жена должна подчиняться и угождать мужу»; «Жена всегда виновата».

В народной картине мира отношение к ссоре амбивалентно: она предстает как дезинтегрема, поскольку приводит к временному разладу, и как интегрема, поскольку способствует обновлению семейной жизни и сплочению супругов.

Источники

1. *Библия* : Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. — Москва : Российское Библейское общество, 2009. — 1533 с.
2. *Зимин В. И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений : более 22000 пословиц поговорок, молвушек, присловий, приговоров, загадок, примет, дразнилок, считалок / В. И. Зимин. — Москва : АСТ-ПРЕСС, 2012. — 736 с.
3. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских пословиц (около 70000 пословиц) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
4. Даль — *Пословицы русского народа* / сост. В. И. Даль. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1957. — 901 с.
5. ТСОШ — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / РАН Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2011. — 1175 с.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений : оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с.
2. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
3. *Вежбицкая А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицкая // Русский язык в научном освещении. — 2002. — № 2 (4). — С. 6—34.
4. *Девкин В. Д.* Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской : учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков / В. Д. Девкин. — Москва : Высшая школа, 1981. — 160 с.
5. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 540 с.
6. *Кидямкина С. А.* Семиясфера семейных аномалий в современной русской лингвокультуре (на материале текстов художественной литературы конца 20-го — начала 21-го вв.) : диссертация ... кандидата филологических наук / С. А. Кидямкина. — Москва, 2014. — 177 л.
7. *Кириллина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кириллина. — Москва : Издательство Института социологии РАН, 1999. — 155 с.
8. *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. — Москва : Наука, 1989. — 240 с.

9. *Леонтьева Т. В.* Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург, 2015. — 40 с.

10. *Пермяков Г. Л.* К вопросу о структуре паремииологического фонда / Г. Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору. — Москва : Наука, 1975. — С. 247—274.

11. *Рябцева Н. К.* Лингвистическое моделирование ментальной сферы человека (на материале русского языка) / Н. К. Рябцева // Языковое бытие человека и этноса : психолингвистический и когнитивный аспекты. — Москва : МГЭИ, 2002. — Вып. 5. — С. 94—109.

12. *Скляревская Г. Н.* Лексика православия в современном русском языке : опыт лексикологического анализа и лексикографического описания / Г. Н. Скляревская // Вестник новосибирского государственного университета. Серия : История. Филология. — 2012. — Том 11. — Вып. 9: Филология. — С. 36—40.

13. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

14. *Третьякова В. С.* Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова // Известия Уральского государственного университета. — 2003. — № 27. — С. 143—152.

15. *Шалина И. В.* К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) / И. В. Шалина, Ю. Б. Пикулева // Научный диалог. — 2016. — № 11 (59). — С. 121—132.

16. *Шалина И. В.* Уральское городское просторечие : культурные сценарии / И. В. Шалина; науч. ред. Н. А. Купина. — Екатеринбург : Издательство УрГУ, 2009. — 444 с.

Cultural Scenario “Martial Quarrel” in Russian Proverbs

© **Van Ventszys (2017)**, post-graduate student, Department of Rhetoric and Stylistics of Russian Language, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), xzh1310@hotmail.com.

The experience of the description of the cultural scenario of marital strife as one of the integral components of family life is presented. The material are the proverbs and sayings of the pre-Soviet period. The author relies on linguistic and cultural interpretation of quarrel as an open family conflict, having the verbalization in proverbial fund of Russian national culture — the source of knowledge about the views of the people, in particular on the code of family behaviour. About 300 paremiological units are analyzed. Phases of quarrel as a communicative event depicted in the analyzed linguistic units are identified. Causes of family discord named in the proverbs are fixed. The ways of verbal and nonver-

bal gender behaviour are named. The views and values of the spouses in a conflict interaction are revealed. The origins of gender conflict are commented. The author argues that male "chauvinism" is manifested in the stereotypical view on the woman, who is vested with such features as stupidity, talkativeness, obstinacy, etc. The idea is stated that harmony and discord as value and anti-value are important in the national family axiosphere, integrate and dezintegrate members of the family micro-collective.

Key words: cultural linguistics; cultural script; marital fight; communication conflict; status-role characteristics; value system; family axiosphere; proverb; gender asymmetry.

Material resources

- Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo zaveta.* 2009. Moskva: Rossiyskoye Bibleyskoye obshchestvo. (In Russ.).
- Dal, V. I. (ed.). 1957. *Poslovitsy russkogo naroda.* Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolayeva, E. K. 2010. *Bolshoy slovar russkikh poslovits* (okolo 70 000 poslovits). Moskva: OLMA Media Grupp. (In Russ.).
- TSOSh — Shvedova, N. Yu. (ed.). 2011. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vklucheniyem svedeniy o proiskhozhdenii slov.* Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).
- Zimin, V. I. 2012. *Slovar-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy: boleye 22 000 poslovits pogovorok, molvushek, prisloviy, prigovorov, zagadok, primet, draznilok, schitalok.* Moskva: AST-PRESS. (In Russ.).

References

- Arutyunova, N. D. 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka, sobytiye, fakt.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Devkin, V. D. 1981. *Dialog. Nemetskaya razgovornaya rech v sopostavlenii s russkoy.* Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Kidyamkina, S. A. 2014. *Semiosfera semeynykh anomalii v sovremennoy russkoy lingvokulture (na materiale tekstov khudozhestvennoy literatury kontsa 20 — nachala 21 vv.): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Moskva. (In Russ.).
- Kirillina, A. V. 1999. *Gender: lingvisticheskiye aspekty.* Moskva: Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN. (In Russ.).
- Krysin, L. P. 1989. *Sotsiolingvisticheskiye aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. 2015. *Modeli i sfery reprezentatsii sotsialno-regulyativnoy semantiki v russkoy yazykovoy traditsii: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk.* Yekaterinburg. (In Russ.).
- Permyakov, G. L. 1975. K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda. In: *Tipologicheskkiye issledovaniya po folkloru.* Moskva: Nauka. 247—274. (In Russ.).
- Ryabtseva, N. K. 2002. Lingvisticheskoye modelirovaniye mentalnoy sfery cheloveka (na materiale russkogo yazyka). In: *Yazykovoe bytiye cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty.* Moskva: MGIEI. 5: 94—109. (In Russ.).

- Shalina, I. V., Pikuleva, Yu. B. 2016. K probleme opisaniya metodiki lingvoaksio-
logicheskogo analiza (na materiale dialogicheskogo obshcheniya nosite-
ley prostorechnoy lingvokultury). *Nauchnyy dialog*, 11 (59): 121—132.
(In Russ.).
- Shalina, I. V. 2009. *Uralskoye gorodskoye prostorechiye: kulturnyye stsenarii*. Yekaterin-
burg: Izdatelstvo UrGU. (In Russ.).
- Sklyarevskaya, G. N. 2012. Leksika pravoslaviya v sovremennom russkogo yazyke: opyt
leksikologicheskogo analiza i leksikograficheskogo opisaniya. *Vestnik no-
vosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*,
11 (9): 36—40. (In Russ.).
- Teliya, V. N. 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskyy, pragmaticheskiy i lingvokul-
turologicheskyy aspekty*. Moskva: Shkola Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Tretyakova, V. S. 2003. Konflikt kak fenomen yazyka i rechi. *Izvestiya UrGU*, 27: 143—
152. (In Russ.).
- Vierzbicka, A. 2001. *Ponimaniye kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov*. Moskva:
Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Vierzbicka, A. 2002. Russkiye kulturnyye skripty i ikh otrazheniye v yazyke. In: *Russkiy
yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (4): 6—34. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. 2005. *Klyuchevyye idei russkoy yazy-
kovoy kartiny mira*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).